

TATIANA KOPAC

Uniwersytet Gdański

 ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9105-2137>

ПРОЕКТ *БЫЛИ* 90-Х: „ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ...”

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Александр Кушнер

В статье рассматривается литературный проект *Были 90-х*, основанный на воспоминаниях россиян о последнем десятилетии XX века и входящий в цикл «Народная книга». Автором-составителем издания является современная российская писательница-прозаик, известная прежде всего произведениями детективного жанра¹ Марина Алексеева (Александра Маринина). Жанровая новизна проекта, непрофессиональное писательство, влияющее на стилистику текста, языковые недочеты — все эти аспекты (парадоксальным образом) обуславливают ценность наблюдений о повседневной жизни указанного периода и позволяют сделать ряд выводов.

Основные вопросы, которые предлагается разобрать в настоящей статье: смысл и жанр проекта, содержательная наполненность заголовка; лицо эпохи в контексте обыденности на нескольких уровнях текста: время, пространство, индивидуальное восприятие и осмысление 90-х героями воспоминаний (элементы *case studies*).

Мое внимание привлек второй том издания, само название которого *Эпоха лихой святости* претендует на размах и одновременно содержит некий ироничный посыл или сознательный

---

¹ Книги Александры Марининой переведены более чем на 20 языков.

иронический прием, позволяющий обозначить, что описываемое время — это яркий период взлетов и падений, «возможностей в невозможности».

ЗАГОЛОВОК КАК ВЕКТОР СМЫСЛА

В полном названии тома (*Были 90-х: Эпоха лихой святости*) можно выделить несколько внутренне противоречивых смысловых оппозиций: «90-е — святость», «эпоха — святость», «лихой — святость». В качестве сложного символического алогизма выступает первое противопоставление: с одной стороны, в ту эпоху действительно возрождалась церковная жизнь, усилились духовные поиски людей, обращения в веру и т.п., началось преобразование политического строя, что у многих ассоциировалось с возрождением свободы как непреложной, «святой» ценности жизни; с другой — во многие сферы общества ворвался так называемый беспредел, усилилась преступность, ощущалось «затемнение» в сфере закона и права, немошь хозяйственно-экономических структур, связанные с перерождением и реорганизацией страны. Можно ли назвать те годы святыми? Наблюдаемый в соотнесении периода 90-х годов с понятием «святость» стилистический прием антифразис усиливает иронический смысл, утверждая контекст отрицания.

Второе противопоставление, на первый взгляд, не видится алогичным. Однако, по-моему, понятие «святость» не является временным, наоборот, его вневременность предполагает более широкий контекст, незамкнутость на хронологических рамках. Согласно словарным дефинициям, «эпоха» — это «длительный промежуток времени, выделяемый по каким-либо характерным особенностям и характеризующийся выдающимися событиями или явлениями»² или, более кратко, «продолжительный период времени, имеющий какие-л. характерные особенности»³. Поскольку речь идет о конкретном периоде, данное сопоставление

² Т. Ф. Ефремова (сост.), *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Русский язык, Москва 2000, <https://www.efremova.info/word/epoha.html#.XR8iPVQzbc8> (20.03.2019).

³ С. А. Кузнецов (сост.), *Большой толковый словарь русского языка*, 1-е изд., Норинт, Санкт-Петербург 1998, <http://www.endic.ru/kuzhnev/Яеропа-69803.html> (20.03.2019).

«эпоха — святость» можно воспринять вновь как проявление иронии в широком значении (сочетание и юмора, и насмешки, и сатиры, адресованных конкретному периоду): каким образом можно измерить, «взвесить» эпоху на «содержание» святости? Можно ли назвать десятилетие эпохой? Действительно, в общественном сознании 90-е годы в России утвердились и закрепились именно как эпоха в метафорическом значении — настолько кардинальные перемены происходили в стране. Но можно ли отметить *святость* в качестве «характерной особенности» или «выдающегося явления» данного периода и какого рода святость?

Сочетание «лихой — святость» является, пожалуй, наиболее спектакулярным. Значение слова «лихой», по определению словаря Сергея Кузнецова, — «полный тягот, бед; тяжёлый, трудный (о времени)», «*нар.-разг. и нар.-поэт.* могущий причинить вред, зло; злой»⁴. Другие значения, по тому же словарю, относящиеся к действиям и субъектам: «бойкий, залихватский, задорный», «ловкий, искусный, умеющий делать что-л. хорошо и быстро; проворный»⁵. Отмечается также внутренняя антиномичность и омонимичность лексемы «лихой», энантиосемия, что дает возможность двусмысленной трактовки⁶. Действительно, характер описываемого периода, согласно многим авторам проекта, в контексте времени вполне определяем как «полный тягот, трудный, злой», вместе с тем дающий возможность проявить бойкость, ловкость, проворность, «умение жить».

«Святость» как явление обладает объективно положительной коннотацией, однако само понятие может интерпретироваться в зависимости от контекста выражения, стилистики высказывания, смыслового наполнения текста. Маринина отмечает, что 90-е для одних людей были лихими, для других — святыми. Такой контраст обусловил использование оксюморонного сочета-

⁴ Там же, <http://www.endic.ru/kuzhecov/Liho-7990.html> (20.03.2019).

⁵ Там же.

⁶ См. В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 2, Русский язык Медиа, Москва 2007, с. 257; К.С. Горбачевич (ред.), *Большой академический словарь русского языка*, т. 9, Наука, Москва–Санкт-Петербург 2007, с. 239–240; Е.В. Генералова, „*Лихие девяностые*” и „*тучные нулевые*”: образ времени в современном русском языке // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков: Сб. ст.*, Изд-во Липецкого гос. пед. универ-та им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк 2017, с. 168–169.

ния «лихая святость». Это ироничное сопоставление провоцирует читателя и, скорее, наводит на мысль об абсурдности данного отрезка истории, характерной для него мозаике смыслов, не связанных друг с другом, но находящихся во взаимозависимости.

В заключении рассуждений о заголовке второго тома хотелось бы привести интересные наблюдения Анастасии Бонч-Осмоловской на тему отражения культурной памяти в языке. Работая с Национальным корпусом русского языка, исследовательница выделяет и анализирует эпитеты, относящиеся к конкретным десятилетиям XX века. Выражение «лихие девяностые», по ее мнению, имеет высокую частотность, «начинает употребляться в прессе в середине 2000-х годов, и далее, примерно с 2008 г., наблюдается его резкая экспансия с пиком частотности в постпротестном 2012 г.»⁷. Было обнаружено достаточно большое количество оценочных эпитетов относительно этого временного отрезка. Но только сочетание «лихие девяностые», по мнению Бонч-Осмоловской, фразеологизируется, приобретает характер штампа⁸. При этом благодаря эпитету *лихие* как прилагательному нижнего регистра «импликация эмоциональной дистанции»⁹ от образа десятилетия сохраняется.

Таким образом, экспрессия и символика смыслового оксюморона, заложенного в названии книги, уже на старте помогает прикоснуться к парадоксу 90-х, определяя концептуальный вектор восприятия и настраивая читателя на неожиданные повороты наррации.

ИДЕЯ

Смысл литературного проекта в целом, как можно заметить, определяется также названием целого цикла — «Народная книга». Семантика определения «народный» указывает на широкие читательские массы, возможность участия в проекте всех желающих

⁷ А. А. Бонч-Осмоловская, *Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти* // «Шаги/Steps» 2018, № 4(3), с. 131.

⁸ См. также: Е. В. Генералова, «*Лихие девяностые*» и «*тучные нулевые*»..., с. 166–173. Автор ссылается на предположение, что выражение «лихие девяностые» впервые употребил писатель Михаил Веллер в изданном в 2002 году романе *Кассандра*.

⁹ А. А. Бонч-Осмоловская, *Имена времени...*, с. 134.

и отсылает воображение читателя к таким понятиям, как народное творчество, народная песня, народные танцы, народные гулянья, народный фронт и т.п. Стоит отметить, что в качестве синонима слова «народный» часто выступает определение «безымянный». Однако в рассматриваемом сборнике традиция безымянности не соблюдена, воспоминания имеют конкретных авторов, что подтверждает достоверность всего описанного и может восприниматься как элемент традиции профессионального писательства. Кроме того, почти все авторы приводят информацию о своей профессиональной ситуации в 90-е, а также в настоящее время.

Общее название двухтомного издания *Были 90-х* (1 том — *Как мы выжили*, 2 том — *Эпоха лихой святости*) тесно связано с понятием «народный»: что-то происходило с кем-то, со мной, с нами, в целом с народом, со страной. «Поистине народной» называет книгу автор-составитель и отмечает:

В этой пронзительной коллективной исповеди нет ни грамма художественного вымысла или политической пропаганды, радужных мифов или надуманных страшилок. Всё написано предельно искренне, слова идут от души, от самого сердца! И вот результат: уникальные свидетельства очевидцев, самый компетентный, живой и увлекательный документ эпохи¹⁰.

Все это было в действительности, отсюда возникает номинация «быль» как общее жанровое определение. В словарных определениях акцентируется реальный характер «были», это «то, что [...] происходило на самом деле, рассказ о действительном событии, происшествии»¹¹. Важно заметить, что это понятие (как жанр) также связано с устным народным творчеством: «Быль (бывальщина) — [...] рассказ о действительном происшествии, случае, имевшем место в действительности»¹², в противовес «небылице», т.е. выдумке, сказке. Маринина подчеркивает, что все написанное в «народной книге» — это «подлинная реальность, которую сегодня трудно найти на ТВ и в кино, которую вряд ли рискнут издать журналы и газеты» (с. 4).

¹⁰ А. Маринина (авт.-сост.), *Были 90-х*, т. 2: *Эпоха лихой святости*, Эксмо, Москва 2017, с. 4. Дальше цитаты даются по этому изданию — страницы указываются в скобках.

¹¹ Т.Ф. Ефремова (сост.), *Новый словарь русского языка...*, https://www.efremova.info/word/byl.html#.XR8q_lQzbc (20.03.2019).

¹² С. П. Белокурова (сост.), *Словарь литературоведческих терминов*, Паритет, Санкт-Петербург 2005, <http://www.endic.ru/litved/Bl-341.html> (20.03.2019).

Однако, можно ли говорить в данном случае о литературе факта или документальном жанре, даже если описывается подлинная реальность 90-х? Несомненно, в сборнике наблюдаются признаки мемуарного жанра (событийность, ретроспективность, непосредственные свидетельства участников событий), стилистика которого довольно размыта. Часть воспоминаний составлена вокруг какого-то события, объективной ситуации, однако данное событие, как правило, пропускается через восприятие автора, равнодушного, эмоционального, мыслящего тенденциозно. А во многих случаях описано личное событие, случившееся с отдельным героем воспоминаний, хотя могло случиться с кем угодно. В таких нарративах фактография становится фоном и служит интерпретации конкретной истории. Автор-составитель справедливо замечает, что не стоит ожидать от сборника полномасштабной картины жизни страны того периода, это «всего лишь зеркало мыслей, чувств и воспоминаний тех людей, которые сочли нужным ими поделиться» (с. 10).

Сборник (второй том) состоит из нескольких разделов, объединенных редактором в основном по тематическому признаку: *Об одном и том же* (разные темы, характерные для повседневности 90-х), «вожделенная заграница» (раздел *Всё не так, все не такие*), «ситуации, впечатления, судьбы, эмоции» (раздел *Крупными и мелкими мазками*), «истории с улыбкой» (*С улыбкой, иногда печальной*), значение и смысл 90-х (*Какими они были — 90-е?*).

Сто пятьдесят историй (79 во втором томе) написаны в форме рассказов, очерков, зарисовок, эссе. Во многих присутствует сюжет, герои повествования, скомпонованы диалоги, выстроена драматургия. Они обладают всеми признаками художественной формы рассказа. В них, как правило, в качестве основы сюжета выступают бытовые ситуации, повседневная жизнь людей, которым пришлось жить в лихие-святые 90-е. Очерки и эссе содержат обобщения и рассуждения о смысле случившихся перемен, о человеческих поступках, о значении последнего десятилетия XX века для жителей исчезнувшей большой страны. Стилистика миниатюр разнообразна — присутствуют элементы эпической нарративации, субъективно окрашенной формы рассказа о событиях, переживаниях, настроениях и т.п.

Итак, насколько остро можно ощутить пульс и дыхание времени, пройдя путь с героями историй, напрямую зависит от де-

талей и подробностей, конкретных сценок и диалогов и даже заголовков историй. Ведь каждый временной период складывается не только из моментов ярких и незабываемых, но также из серых будней: авторам проекта, раскрывающим часть своей жизни, удалось запечатлеть отголоски повседневности, осколки ушедших дней. Подробный разбор текстов тома *Были 90-х...* не представляется возможным, тем более, как указано выше, во многих случаях это любительское писательство. Поиски элементов повседневности проводятся по нескольким направлениям. Во-первых, это временной показатель — обобщенное время и конкретные хронологические рамки, время суток, индивидуальное время (возраст) и субъективное время, пропущенное сквозь ощущения авторов историй; во-вторых, выделяется ряд тематических блоков в качестве контекста сценариев и ситуаций повседневной жизни — хлеб насущный, тотальная торговля, духовные поиски, ветер свободы (счастливое десятилетие), исчезновение страны.

ВРЕМЯ

Раздел *Об одном и том же* наиболее объемный, в нем собраны самые разные истории, сгруппированные по два–три текста. В них довольно часто указывается конкретный год происходящего. Такие мини-разделы также имеют названия, в том числе связанные со временем, например, *Дефолт 1998 года*. Известное событие, всколыхнувшее страной, один из самых серьезных экономических кризисов в России становится фоном для двух историй, в которых происходящее заключается во временные рамки — это июль, август (месяц объявления дефолта) и октябрь 98 года. В тот год многие потеряли не только сбережения, но и работу. Один из авторов пишет: «Когда в августе 1998-го — после кризиса — весь почти наш отдел разогнали, я [...] чувствовал, что у меня из-под ног ушла земля. Что выхода нет, выбора нет и вообще жизнь окончена» (с. 15). Для этого человека время останавливается и ограничивается: «Завтрак готовится долго и поедается с удовольствием. Потом ты с наслаждением завтракаешь-куришь-гуляешь-читаешь. Время идет медленно, и к обеду избыток сил уже некуда девать. Пойти некуда [...]. Работа не ищется. Меня хватает ровно на неделю такой жизни» (с. 15).

Автор второй истории описывает «две реальности», разделенные коротким временным отрезком в один месяц, который становится границей между блеском и нищетой его жизни (в такт стране).

Практически каждый год десятилетия отмечен в воспоминаниях авторов сборника. Начало 90-х (90–93) вспоминается как «раскуроченное время, свистопляска»: отсутствие в магазинах продуктов, появление талонной системы, задержка с выплатой зарплаты, гуманитарная помощь. По воспоминаниям Владимира Гуги, «в 92-м или 93-м те, кто не примкнул к двум новообразовавшимся классам коммерсантов и бандитов, жили, так сказать, более чем скромно» (с. 305). 94–95 — разгул криминалитета, неожиданные обогащения, 96 — до сих пор зарплата продуктами во многих городах, 97 — нехватка в больницах донорской крови и лекарств, 98 — технические новинки и экономический кризис.

Индивидуальные временные рамки — это возраст пишущих, которые в то время были школьниками, студентами, молодыми специалистами, зрелыми людьми. Внутреннее время определяет их отношение к происходящему. «Нам было по 20 лет в начале 90-х, и жизнь нам казалась прекрасной, несмотря на ежедневные перестрелки и разборки на улицах наших небольших городов» (с. 109), — вспоминает одна из авторов. Упомянутые неординарные события в силу повторяемости вписываются в ритм жизни молодых людей, становясь для них обыденностью. Их возраст как внутренняя временная составляющая главенствует над объективным временем, определяя его содержание.

Контрастом звучат строки также юной преподавательницы русского языка и литературы:

Зарплату в училище задерживали. Могли задержать на полмесяца, на месяц... с печальным видом я считала свои скудные запасы. Определила: есть не на что. [...] В маленькой шкатулке лежит обручальное кольцо. [...] Можно купить немного крупы и колбасы. Несколько дней можно жить (с. 106).

Молодая словесница спасается литературой (появляется неиздаваемая ранее) — время заполняется чтением (в том числе по ночам), обсуждением прочитанного с друзьями и студентами, попытками ответить себе на вопрос: «Как в этом экономическом и политическом хаосе воспитать достойного человека? Как самой не озлобиться, не ожесточиться, не спиться?» (с. 107). Нерв-

ный пульс времени («По улицам шествуют то ли коммунисты, то ли демократы... [...] Что-то кричат в рупор, кого-то осуждают, к чему-то призывают. На городском рынке идет бойкая торговля ваучерами», с. 106) как будто застывает во внутренней растерянности молодой особы, его беспорядочный бег, безумный разгон отзывается в душе человека безвременьем и ожиданием («Люди осиротели и сникли как-то враз, неожиданно». «Что же завтра? Чем ответят мне 2000-е?», с. 107).

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

Переходное время и общий кризис в стране закономерно и разительно отразились на бытовой ситуации людей. Ремонт в квартирах делался собственными руками, многие вовсе обходились без ремонта; важным достоинством считалось умение мастерить, например мебель, процветало самопроизводство: самогонные аппараты (водка на талоны), овощи на дачах, огородах, балконах, домашние заготовки. Как вспоминает одна из авторов,

мыли и чистили все исключительно хозяйственным мылом и содой. Тряпки были вырезаны из старой одежды, простыней или полотенец, а в качестве туалетной бумаги использовали и газету, и старые, ненужные [...] листы А4, разрезанные на 4 части (с. 370).

Пустые полки, продукты на талоны, отсутствие товаров, а порой обычный голод — в томе *Эпоха лихой святости* данная тематика появляется практически в каждой истории.

Характерными представляются две — *Дружок* Елены Хорват из Самары и *Торт в свободной продаже* москвича Александра Шабанова. Описанные истории не только фокусируют внимание на проблеме с едой, но также показывают читателю основное пространство, выдвинувшееся в те годы в авангард повседневного существования. Это торговые точки — буфеты, магазины, торговые палатки, киоски, рынки, базарчики и базары.

Автор рассказа *Дружок* предупреждает, что слышала эту историю от знакомых. В рассказе два героя — старик и пес. Можно отметить некую непоследовательность в переходе от вступительных рассуждений автора к самому сюжету. Однако интересны детали быта, о которых вспоминает автор: обнищание стариков, которые, чтобы прокормиться, часто были вынужде-

ны продавать все, что у них было — от одежды до боевых наград; стихийные торжища, на которых продавали также еду, порой в прямом смысле несъедобную (пельмени из гипса). Сама история напоминает небылицу, но смысл ее символичен — трудности лихих 90-х преодолевались сообща. И даже собака понимала это, добровольно рискуя жизнью, когда таскала у торговков колбасу, чтобы спасти жизнь хозяину. Причем, что важно, никогда не возвращалась к тому же прилавку.

«Кондитерской одой» звучат воспоминания Александра Шабанова, студента из далекого 92-го. Автор с любовью описывает несколько невероятных для того момента «сладких» фактов из своей студенческой жизни, как бы оправдываясь за эту любовь:

Мы уже успели тогда привыкнуть, что любая мало-мальски ценная вещь достается животным терпением, или умением показывать зубы, или долгим отупляющим трудом, и так приятно и необычно было получить хоть что-нибудь будто свалившимся с неба (с. 293).

«Свалился с неба» настоящий торт в буфете вузовского корпуса, банка заграничного какао, клад в виде нескольких банок варенья с надписью «Клубника, 1980»...

Торт в свободной продаже в 92-м мог сравниться только с инопланетянином у российского подъезда, оброненная кем-то банка какао на пешеходном переходе гостила в семье полгода или год, а засахарившиеся комочки варенья десятилетней давности удачно сочетались с хлебом, заменяя пирожное. Как одно из самых ярких воспоминаний автор описал покупку и поедание торта:

Вдвоем выворачиваем карманы и кошельки, собирая в складчину нужную сумму, стреляем у кого-то недостающее... И после занятий торжественно везем перевязанную шпагатом картонную коробку домой. Ставим чайник, снимаем крышку коробки, разглядываем красные и зеленые крем-овые цветочки... И поступаем бессовестно по отношению к своим семьям. Выгребаем на тарелку кусок за куском и пожираем столовыми ложками. Останавливаемся, только когда в желудок уже попросту больше не лезет. [...] Эххх... что же мы сегодня слабосильные такие?! (с. 293)

Праздник, ликование, торжество, чудо, волшебный подарок — именно такие чувства вызывают обнаруженные сладости, оттеняя скудность питания обычных людей в те нестабильные годы. Эмоционально-экспрессивная, безудержная реакция тогдашних

студентов — это вызов окружающей их обыденности -без-, несогласие на повседневный дефицит. Автор замечает трансформацию привычного (ставшего будничным) также в сфере производства продовольствия — обращает внимание на возникшие тогда отмену или снижение ГОСТов и, как следствие, изменение качества продуктов, особенно хлеба и кондитерских изделий. «Плотные, сытные» белые батоны и сдоба уступили место модным багетам «из воздуха», «Мишки» и «Маски» превратились в соевую пародию самих себя, постепенно исчез «Настоящий Советский Шоколад». Конечно, сладости — это не продукты первой необходимости, мелочь в том контексте, но, по справедливому замечанию автора,

на основе таких мелочей между поколениями, родившимися в 70-е и в 80–90-е, пролегла настоящая пропасть. С ужасом понимаешь, что для нынешних молодых людей те годы вовсе не воспринимаются как катастрофа: той, благополучной жизни «ДО» эти ребята или вовсе не знали, или попросту не помнят (с. 295).

«Молодость моя, моя голубка» — романтическая цитата из стихотворения Марины Цветаевой становится многоговорящим заголовком очерка Татьяны Свичкар, учителя истории и журналистки 90-х. В первой фразе воспоминаний автор признается: «90-е годы. Я их не заметила» (с. 113). Все тогда происходящее в ее жизни было фундаментальным (окончание учебы и старт журналистской карьеры, два брака, между которыми развод, рождение детей), и проживание тех лет видится ей сквозь данные события, как череда стараний, усилий и забот: «До сих пор помню, как получила талон на плащ. Ни о каком выборе в универмаге речь не шла. Радуйся, что по талону можешь в принципе купить себе плащ» (с. 116); «Свадьба? Надела свое школьное выпускное платье, кольцо одолжила у сестры, до ЗАГСа шли пешком»; «Пакетик чая, кофе — заваривали на троих. Маленький огород, земля глинистая, почти не родит. Подроем куст картошки, бросим в кастрюлю ‘Доширак’ — обед на всех. Популярным считался рецепт — ‘котлеты из овсяных хлопьев с бульонным кубиком’» (с. 117).

Многодетным мамам иногда полагалась «гуманитарка из Европы»: «Один раз мне выдали продуктов [...] 42 килограмма. Помню, как я тащила домой мешок — волоком. Сахар, мука, масло. Самое необходимое» (с. 117). С перспективы лет автор

вспоминает тогдашние будни несколько бесстрастно и трезво: что-то настоящее, «воздух» (работа в редакции — «90-е были золотым веком для журналистики», духовный отец, дети), остальное — несчастье, ограничение, недостаток и усталость (убийства коллег, развод, скудное питание, малокровие у детей, дырявые туфли, изматывающая каждодневная борьба за выживание — «И помню 2000 год. Миллениум. Мир празднует, встречая. [...] Новый год идет... А мы сидим за столом — и сил нет. Совсем нет. И даже не осознаем, что уже 2000-й»). Романтичный заголовок, первые строки этих воспоминаний и окончание текста создают смысловую арку, раскрывая фундамент выживания героини — дерзость молодых: «90-е! Я окликаю вас, как свою молодость, как тот период, благодаря которому сложилась моя жизнь» (с. 118).

В 90-х процветали вещевые рынки, потому что полки магазинов пустовали, товар не залеживался. «Если что-то появлялось — хватали все, не разбирая размера и цвета. [...] Людям давали зарплату тапками, мешками, маминой подруге на фабрике — бобинами ниток», — пишет бывшая студентка Ивановского медицинского института, а ныне врач Ирина Титова. Очереди за всякого рода дефицитом — туалетной бумагой, мылом, зубной пастой, детским питанием, подпиской на книги (с 5 утра) и т.д. — это повседневная жизнь россиян начала 90-х, в которую незаметно ворвались секонд-хенды, став частью быта. Истории *Успеть везде* (с. 246–249) и *Два сапога пара* (с. 321–323) описывают сражения молодых дам за жизненные блага — в секонд-хенде и обычном универмаге, в котором выбросили дефицитный товар.

Поношенные вещи из Европы появились в стране как один из видов гуманитарной помощи, однако быстро стали товаром, продававшимся на вес. Покупатели, как пишет автор, не особенно разглядывали вещи, многие даже не примеряли — что-нибудь вытаскивали и суетливо бежали к весам. У коробок с вещами шел бой, приходилось почти вырывать друг у друга понравившуюся вещь. «Люди хватали все [...]. Тетки тащили нижнее белье явно не их размеров, в очереди пытались приложить к себе со словами: ‘Сойдет, ушью’» (с. 248). Героине истории удалось купить сразу две шубы, хоть и с изъянами, но из натурального меха (кролика и енота), в которых потом дама стояла в очередях за курицами «из реанимации», котлетами (по 10 штук в одни руки) и т.п. повседневным товаром.

Удача почти улыбнулась и Галине Маркус, студентке 90-х, которая рассказала о своем походе за дефицитом в истории *Два сапога пара*. В ней наглядно иллюстрируются отчаянные попытки людей «достать» дефицитную вещь, победы и поражения, в случае если обувь оказалась на одну ногу, а поменять удастся только на размер больше.

ТОТАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

По словам авторов сборника, «вся Россия в один миг превратилась в огромный всеобщий базар» (с. 308), а самым нужным и востребованным человеком 90-х становится продавец. Многие россияне (учителя, врачи, ученые, актеры), бросая или теряя малооплачиваемую и невостребованную работу, встают за прилавки, стихийные лотки, стоят на развалах с книгами, едут в шоп-туры за границу. В сборнике не могли не появиться рассказы о поездках челноков в Польшу, в частности на легендарный стадион 10-летия. Две истории — *Контрабанда* и *Ода клетчатой сумке* — два различных по стилю женских рассказа конкурируют с мужским *Казань — Варшава. Записки начинающего челнока*.

«Челночницами не рождаются — ими становятся. И не из любви к перемене мест» (с. 40), — пишет автор *Оды...* В обоих женских рассказах акцентируется вынужденность заниматься такого рода деятельностью, суровая необходимость — жить не на что, есть нечего. Еда покупается в кредит, порог долга превышен. Первый рассказ построен на диалогах, имитирует художественную форму, имя героини не совпадает с именем автора. Во второй истории наррация ведется от первого лица, автор — молодая офицерская жена. Ее отчаянное свидетельство традиционно: зарплату мужу не выплачивают месяцами, двое маленьких детей, младший грудной. «Однажды обнаруживаю, что в холодильнике ничего нет. Из съестного в доме только соль, сахар и банка томатной пасты», — вспоминает Ирина Александрова. Нечего дать мужу на ужин, нечем завтра кормить детей. Следует отметить, что положение военных городков в 90-е годы было весьма незавидное. Отчаяние склонило мужа-офицера вложить деньги в акции МММ, которые рухнули вместе с финансовой пирамидой. Положение спасает женщина, принимая также отчаянное решение при невыездом муже.

Эта история, написанная бывшим педагогом и сегодняшней журналисткой, интересно выстроена, состоит из небольшого вступления и семи картин, словно отражает еженедельный режим вояжей через польскую границу. Автор подчеркивает, что торговала пару лет (пока не отдали долг за акции), но об этом не жалеет. Гораздо важнее, по ее словам, здоровье близких и мир на земле, а «остальные проблемы — не тяжелее клетчатой сумки» (с. 46).

Если женщины описывают встречу с таможенниками и пограничниками, технические тонкости при перевозке контрабанды, успехи и неудачи в торговле, то мужской рассказ отличается поэтическими нотками, ностальгирующим настроением, неким драматизмом. Автор, бывший предприниматель, Олег Волков использует форму путевых заметок с предисловием. От восхищения старым Вильнюсом и польскими женщинами автор подходит к кульминации — описанию встречи с польскими рэкетирами и разочарования от увиденной надписи на памятнике Советскому воину. Неожиданной развязкой становятся слова «мы здесь чужие», произнесенные земляком Олега. А в последних строках истории звучит вопрос, ранее заданный молодой учительницей: все в прошлом, а что впереди?

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ

Одним из характерных веяний 90-х можно, несомненно, назвать поиски духовности. Но она понималась по-разному, а духовно-религиозные устремления были разнонаправленны — это и обращение в христианство, и увлечение восточными религиями, и уход в секты, и обучение на курсах экстрасенсов. Появилось много внешней, «культурной» религиозности: «По воскресеньям мы с подружкой шли в какую-нибудь церковь — их развелось огромное множество, было модно их посещать, — это были не совсем религиозные организации, больше они были похожи на советские клубы по интересам» (с. 138). Автор строк, бывшая студентка пединститута, вспоминает о корейской церкви и баптистах, признавая отсутствие осознанного стремления к трансценденции и подчеркивая огромное желание «увидеть совершенно другой мир, с чудесами и заряженной водой» (с. 139), оторваться от ежедневных забот о хлебе насущном.

Веяние перемен, разрыва времен не могло не влиять на каждодневные привычки и фундаментальные цели людей. Прежняя повседневность без Бога вытеснялась «повседневным богом», например в виде корпоративных установок. Во многих фирмах создавалась атмосфера исключительной избранности, изолированности в духе сектантских кружков и общинного клана одновременно. По меткому замечанию москвича Гуги, автора рассказа *Миссия*, постеры с заповедями «корпоративной культуры» «заряжали сотрудников [...] бодростью, потому что давали им почувствовать себя частью некоего полутайного общества, вроде масонской ложи» (с. 241). В рутинные действия сотрудников компании ворвалось нечто необычное, став в процессе освоения частью их корпоративного быта, основой сценариев поведения и повседневных ритуалов¹³. Кстати, ироничная миниатюра Гуги — один из примеров рассказа с классической формулой повествования, диалогами, расширенным кульминационным фрагментом и «открытой» развязкой. Заключительный внутренний монолог главного героя, президента компании Максима Ивановича, впавшего в ужас от сложившейся «молитвенной» практики его сотрудников, вновь заканчивается отчаянным вопрошанием: «Четверть прибыли... Сегодня — четверть. А завтра?» (с. 244).

Автор рассказа в довольно ироничной форме затрагивает тему стихийной религиозности и псевдорелигиозности того времени. Стали доступными различные способы выражения взглядов на религию и веру, а также появилась возможность выбирать, и этот выбор мог приобретать преувеличенные, комические формы. Практически все сотрудники фирмы, о которой повествует рассказ, состояли в одном из многочисленных квазирелигиозных сообществ 90-х — братстве «Церкви Нового Ковчега». Разоблачение происходит в кульминации миниатюры, выясняется также сколько стоит «охрана свыше»: «Двадцать пять процентов от прибыли — обычная доля, которую следует отдавать Богу» (с. 244). Устоявшийся в компании «культ личности» Максима Ивановича сопоставляется с «псевдонабожностью» его подчиненных — король оказывается голым, а касса фирмы пуста.

¹³ Ср. В. Д. Лелеко, *Пространство повседневности в европейской культуре*, Изд-во Санкт-Петерб. гос. универ-та культуры и искусства, Санкт-Петербург 2002, с. 73.

ВЕТЕР СВОБОДЫ: СЧАСТЛИВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Из наблюдений Бонч-Осмоловской следует, что период девяностых записался в памяти людей не только с негативной оценкой. В НКРЯ в качестве имен этой эпохи выступают, в частности, эпитеты эмфазы (бурные, неповторимые) и положительные оценочные эпитеты: благословенные, веселые, звонкие, романтические, сказочные, славные¹⁴. Подтверждение этому можно отыскать и в анализируемом томе. В нем также содержатся воспоминания об особом, даже трепетном отношении к происходящему в девяностых, представлены описания обычной, как правило, подростковой или достаточно юной жизни с ее радостями и проблемами, как будто и не было «лихорадки» перемен. В томе такие воспоминания в основном располагаются в разделах *Об одном и том же* (например, мини-раздел *Времена не выбирают...*) и в обобщающем разделе *Какими они были — 90-е?*.

Судя по воспоминаниям Оксаны Ястремской, в 90-е преподавателя английского языка, эти годы можно охарактеризовать как звонкие и веселые: «[...] мне было примерно 20 лет, поэтому все вокруг воспринималось великолепно. У меня был другой, позитивный настрой, совсем не такой, как, например, у моей мамы. [...] Нам было весело с друзьями [...]» (с. 56). Заголовок миниатюрной зарисовки редактора и журналиста Любови Корецкой, школьницы и студентки девяностых, может пополнить список «плюсовых» эпитетов — «Счастливое десятилетие». Тринадцатилетняя девочка имела права не заметить распада страны в 91-ом, в котором она впервые увидела Черное море; для нее было важно, что «рядом родители, друзья, футбол и балет, книги и марки, календарики и индийское кино» (с. 371). На фоне контрастных воспоминаний автор утверждает, что в ее восприятии 90-е — «самое безоблачное время» жизни: «Первый поцелуй, первый сникерс, первый урок (я — учитель?..), первые стихи в тетрадку [...] первая сигарета, [...] водка в жестяной банке, дискотеки и ночные клубы, факультетская библиотека, первый компьютер [...] и первая большая любовь» (с. 372). Негативные события блекнут в воспоминаниях, проигрывая с сиянием юности, в какое бы сложное время она не случилась.

¹⁴ Ср. А. А. Бонч-Осмоловская, *Имена времени...*, с. 124.

Ольга Травчук из Киева характеризует свой очерк как поток ассоциаций, что выражает один из способов описания повседневности. Автор отмечает: «Для меня 90-е годы ощущаются временем рассвета, чувством, что вот, наконец! Наконец-то мы сбросили ярмо лживой пропаганды, заскорузлой унылой идеологии и теперь заживем как ‘белые люди’» (с. 364). Описывая достаточно подробно, с большой дозой оптимизма скромный быт своей семьи в тот период, автор неоднократно подчеркивает положительные моменты своих ощущений и опыта того времени: дух свободы в новых передачах на телевидении, которое домашние смотрели с упоением; развитие книжного рынка и использование видеомэгагнитофона; отсутствие страданий на тему одежды (носила секонд-хенд, материны вещи, донашивала за родственниками: «[...] рвань не было, все выглядело не помечено, прилично [...], я привыкла выглядеть неброско», с. 368); отсутствие «ощущения жизни впроголодь [...], мы ели почти одну только картошку, макароны, квашеную капусту и тюльку с черным хлебом, [...] у меня от недостатка витаминов расшатались все зубы, но я не голодала», с. 367); регулярные поездки к бабушке в Казахстан, летний отдых на бывших ведомственных базах отдыха с холодной водой и удобствами на улице.

Светлая тональность воспоминаний и некая отстраненность в описании подробностей контрастирует со многими близкими по тематике фрагментами сборника, выдержанными в эмоциональном ключе, нередко с дозой горечи или критики. Автор подытоживает повествование о днях ушедших с однозначно положительным наставлением: «Несмотря на все сложности, 90-е — моя любимая эпоха, с которой связаны надежды, мечты, чувство освобождения и движения вперед» (с. 370).

Дух свободы ворвался в повседневную жизнь жителей разваливавшейся большой страны почти в буквальном смысле — это импортные товары в ярких упаковках, первые поездки за границу и все более частое появление заграничных гостей даже в частных жилищах. Комические ситуации зачастую были связаны с иностранными наименованиями продуктов и отсутствием русского перевода на этикетках, о чем повествует рассказ Наты Хаммер из Москвы (в 90-е переводчик с английского) — под говорящим названием *Горячие собаки* (с. 72–75). Ощущение перемен и свободы в несколько искаженной форме находило свое проявление и на уровне отношений «товар — покупатель»,

особенно это касалось молодых людей. В рассказе писателя Олега Жданова в роли главной героини выступает черная футболка с начертанной фразой «глубочайшего философского содержания» (с. 77): All you need is love. Именно вещь становится для юноши точкой отсчета, билетом в новую жизнь. Самоирония автора выражена также графически: «Я увидел ЕЕ» (с. 77). Описание покупки на рынке модной, «заграничной» (скорее всего, кустарного производства) одежды хорошо показывает рыночные будни того времени, появление неизвестных ранее искушений и выросших на их почве драматичных, часто искусственных дилемм. Смысловая кульминация рассказа становится одновременно развязкой целого повествования: «Я был ошарашен, понимая, что моя жизнь больше никогда не будет прежней. [...] Главное, что футболка теперь у меня есть и как бы было круто, если бы я ей подошел» (с. 78).

Если попытаться коротко определить перемены в отношении к внешнему миру, можно выделить фразу из истории Инны Франк *Ветер перемен. Wind of change...* — «мода на дружбу между странами» (с. 166). Устанавливались «мосты общения»: в рамках обмена между Россией и западными странами иностранцы посещали страну и проживали в квартирах обычных людей, окунаясь в быт рядовых российских семей. После возникала переписка, порой дружба, но самое основное — это ощущение, что происходил «процесс диффузии»: «Молекулы одного вещества проникали в промежутки между молекулами другого вещества. [...] молекулы эти были — люди, одежда, песни, языки...» (с. 166).

В разделе *Всё не так, все не такие* собраны истории поездок россиян на Запад и знакомства с чужой культурой иногда в конфликтных ситуациях, когда, например, болгарский жест согласия воспринимается как традиционное русское отрицание, а поиски в Дели пуговиц «цвета золота» приводят в ювелирный магазин. Для одних повседневной рутинной становится перегон машин из Европы¹⁵, для других — освоение мечты о заморских принцах¹⁶, старания найти работу за границей и эмиграция¹⁷, для третьих — выходит в ранг привычных сотрудничество с иностранцами, а попытки подружиться с «не такими»¹⁸ не всегда удачны. Пожа-

¹⁵ См. Н. Соколов, *На западном фронте без перемен*, с. 171–174.

¹⁶ См. Т. Кравец, *Заморские принцы*, с. 194–199.

¹⁷ См. А. Снегирева, *Шанс*, с. 175–180.

¹⁸ См. С. Гуськова, *Двуглавый орел*, с. 181–186.

луй, именно в этом десятилетии россияне, сталкиваясь с иным мышлением и открывая для себя вожделенную за границу, начинают острее замечать ментальные различия и познавать себя через «другого».

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СТРАНЫ

Глубоким и опасным переходом для миллионов жителей СССР стал распад страны. В сборнике Марининой появляется несколько воспоминаний о нелегкой судьбе русских, вынужденных бежать из некогда союзных республик (мини-раздел *Мы стали для них чужими*). Татьяна Папанина, автор очерка *Двадцать пять миллионов поломанных судеб* приводит именно такое число русских, проживавших в странах бывшего Советского Союза и оставшихся без родины после его распада. Ее семья под давлением невыносимых обстоятельств уезжает из Казахстана, семья Елены Нимчук бежит из Туркмении (рассказ *Никогда не забуду*), Ольга Чебат из Узбекистана вместе с сестрой и другими русскими вынужденно противостоят узбекам и татаркам в поезде Ташкент–Иркутск. Налаженный межнациональный быт расстраивается в одно мгновение: «[...] мы из своих превратились в 'орыс шушка' (русская свинья). [...] Для русских везде закрывались двери, даже люди, с которыми ты вместе рос, стали относиться к тебе как к чужаку...» (с. 98). В разных республиках русские слышали похожие недружественные призывы: «Езжай своя Россия!» (с. 94); «чемодан, вокзал, Россия!» (с. 98).

Остаться и выживать в нахлынувшей атмосфере неприятия удавалось немногим, уезжали, бросая все нажитое или отдавая практически даром, слыша насмешливое: «Зачем покупать, вы и так за лепешку все отдадите...» (с. 98). Для многих русских также переезд в Россию оказывался не столь радужным, как можно было ожидать. Им зачастую предстояла каждодневная борьба за себя в новых условиях, на новой для них отчизне предков, и, по словам Папаниной, «чувство потерянной Родины, несправедливости до сих пор остается внутри» (с. 99).

Распад Советского Союза усилил трудовую миграцию, особенно к концу десятилетия — в Россию начали приезжать выходцы из азиатских республик, так называемые гастарбайтеры, зачастую со слабым знанием русского языка. Их появление

становится привычным, часто приводит к недоразумениям, напряжению, но также к ситуациям забавным. Корреспондент Георгий Настенко отнесся к своим воспоминаниям о встречах с мигрантами (подработка во время учебы) с филологическим юмором, озаглавив миниатюру *Кто ты есть такой на телефоне?* (с. 331–332). Заголовок указывает на имитацию, во-первых, разговорной речи, во-вторых — типичного азиатского акцента. Автор «стенографирует» телефонный разговор узбека (в форме монолога), имитируя средствами языка (на уровне фонетики, словообразования, синтаксиса) речь мигранта на ломаном русском. Для передачи аутентичности звучания использует: смещение ударения (*хАрошо, пАзвани, рОбот* [работа — Т.К.]), стяженное произношение отчеств (*Палыч, Ивановыч*), употребление разговорных слов и диминутивов (*звать, стенка*), нарушение падежно-грамматических форм (*мешока с цементами, русский язык на мой бригада, когда у тебе будет*) и порядка слов (*Меня Рахима звать*), обозначение пауз в речи при помощи ремарок (слово *пауза* в скобках) и графически (многоточие). Интересно заметить, что третья часть миниатюры — это «калька» обращенных к работодателю фраз и реплик мигранта Рахима, вызывающих улыбку. Автор погружает читателей в подробности разговора, тем самым подчеркивая рутинность, повторяемость данной ситуации как характерного элемента его рабочих будней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, важно отметить следующее: смысловой доминантой и целью литературного проекта *Были 90-х...* является собирательный образ эпохи, созданный ее свидетелями, в большинстве своем профессионально не связанными с литературой. Наиболее доходчивой в данном случае стала литературная форма воспоминаний, собственно жанр мемуаров, с присутствием реального субъекта высказывания, представляющий собой тексты обыденного сознания, в которых выражена «совокупность представлений людей, формирующихся в процессе их повседневной обыденной жизни и практики»¹⁹. Поскольку мемуарное повествование характеризуется открытостью, в нем используют-

¹⁹ Б.Я. Пукшанский, *Обыденное знание. Опыт философского осмысления*, Изд-во Ленинградского универ-та, Ленинград 1987, с. 19.

ся приемы различных литературных жанров, в чем можно убедиться, читая анализируемый сборник.

Описывая пережитое, авторы воспоминаний выделяют привычное, обыденное, но вместе с тем характерное для их жизни в тот период. В основном корпусе текстов присутствует как эпическое, так и лирическое начало — элемент фиксации переживаний, осмысления событий и комментариев к ним. Автобиографичность как характерная черта мемуаристики также свойственна содержанию рассмотренных текстов, причем часть воспоминаний — это модификации мемуарного жанра (биографические очерки), а также публицистические зарисовки²⁰ и рассказы с выстроенной драматургией.

В силу множественности формы, хронотоп целого сборника достаточно размыт, однако можно говорить об объединяющей пространственно-временной структуре, рождающей «контуры повседневности»²¹ — последняя декада ушедшего века и привычные в тот период территории пересечения (квартиры, магазины, вещевые и продуктовые рынки и т.п.). Кроме того, выдвигаются символические, ментальные пространства — размышления, мечты и чувства конкретных людей независимо от места пребывания, а также межличностные контакты.

«Нарративность повседневной жизни» предполагает использование различных методов исследования. Многие воспоминания попадают в категорию *case studies*, это максимально конкретизированное описание случая, встроенного в сценарии обыденного поведения людей и обстоятельства того времени. Правомерно также обращение к биографическому методу: мемуарам свойственна ретроспективная биографичность; повседневность 90-х во многом рисуется через жизненные события авторов воспоминаний, элементы их биографий составляют канву повествования, становясь барометром времени, хотя и достаточно субъективным. Отмеченная ранее разнохарактерность стилистики текстов позволяет говорить об элементах «профанности», помогающих «услышать» шум повседневности.

Основным содержательно-концептуальным параметром остается время — как экспрессивная номинация в заглавии двух-

²⁰ См., например: А. Шабанов, *Больше никогда*, с. 378–380.

²¹ См. Н. Б. Лебина, *Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки*, Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург 2006, с. 13 сл.

томника (*Были 90-х...*), имплицитованная смысловая доминанта (эмоциональные, субъективные авторские определения десятилетия), структура сиюминутного, повторяемого (сценарии поведения, ситуации), пересечение индивидуального, природно-циклического (космического) и эпохального (исторического) измерений, материя «жизненного мира»²².

Таким образом, оценка повседневности эпохи 90-х неоднозначна. Святые, лихие, проклятые, радостные, счастливые, лихолетье, надлом, перелом — так ощущают то время современники. Их воспоминания подтверждают характерное: происходил разрыв, смена времен, более того — остановка как знак безвременья. Если «отсутствует» время — исчезает ритм обыденности, и каждая ситуация осваивается заново, заполняя хронорамки и не успевая приобрести статус привычной, — в экстремальных условиях, в стрессогенных обстоятельствах, в структуре сиюминутности. Повседневность 90-х как «парадигма опыта»²³ — это неосознанный и одновременно ощущаемый стресс и трепет бытия, который через 20 лет откликнется вопросом: а что это было?

REFERENCES

- Belokurova, Svetlana. Sost. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov*. Sankt-Peterburg: Paritet, 2005 <<http://www.endic.ru/litved/Bl-341.html> (20.03.2019)> [Белокурова, Светлана. Сост. *Словарь литературоведческих терминов*. Санкт-Петербург: Паритет, 2005 <<http://www.endic.ru/litved/Bl-341.html> (20.03.2019)>].
- Bonch-Osmolovskaya, Anastasiya. "Imena vremeni: epiteti desyatiletiy v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka kak proyektсиya kul'turnoy pamyati." *Shagi/Steps*, 2018, no. №4 [Бонч-Осмоловская, Анастасия. "Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти." *Шаги/Steps*» 2018, no. № 4].
- Dal', Vladimir. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. t. 2. Moskva: Russkiy yazyk Media, 2007 [Даль, Владимир. *Толковый словарь живого великорусского языка*. т. 2. Москва: Русский язык Медиа, 2007].

²² См. Е. А. Когай, А. Н. Самойлов, *Жизненный мир в европейской традиции: опыт рецепции* // «Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета» 2014, № 4 (32), <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyu-mir-v-evropeyskoy-traditsii-opyt-retseptsii> (30.03.2019). См. также: Э. Гуссерль, *Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология*, Владимир Даль, Санкт-Петербург 2004, с. 74–78.

²³ И. Т. Касавин, С. П. Щавелёв, *Анализ повседневности*, Канон+, Москва 2004, с. 42–43.

- Generalova, Yelena. “‘Likhiye devyanostyye’ i ‘tuchnyye nulevyye’: obraz vremeni v sovremennom russkom yazyke.” *Dukhovnost’ i mental’nost’: ekologiya yazykai kul’tury na rubezhe XX–XXI vekov: Sb. st.* Lipetsk: Izd-vo Lipetskogo gos.ped. univer-ta im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2017 [Генералова, Елена. “Ли- хие девяностые’ и ‘тучные нулевые’: образ времени в современном русском языке.” *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на ру- беже XX–XXI веков: Сб. ст.* Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. универ-та им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017].
- Gorbachevich, Kirill (Ed.). *Bol’shoy akademicheskiiy slovar’ russkogo yazyka.* t. 9. Moskva–Sankt-Peterburg: Nauka, 2007 [Горбачевич, Кирилл (ред.). *Большой академический словарь русского языка.* т. 9. Москва — Санкт-Петербург: Наука, 2007].
- Gusserl’, Edmund. *Krizis yevropeyskikh nauk i transtsendental’naya fenome- nologiya.* Transl. s nem. Sklyadnev, Dmitriy. Moskva: Vladimir Dal’, 2004 [Гуссерль, Эдмунд. *Кризис европейских наук и трансцендентальная фе- номенология.* Пер. с нем. Скляднев, Дмитрий. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004].
- Kasavin, Il’ya, Shchavelëv, Sergey. *Analiz pousednevnosti.* Moskva: Kanon+, 2004 [Касавин, Илья, Щавелёв, Сергей. *Анализ повседневности.* Москва: Ка- нон+, 2004].
- Kogay, Yevgeniya. Samoylov, Aleksandr. “Zhiznenny mir v yevropeyskoy traditsii: opyt retseptsii.” *Uchenyye zapiski:elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* 2014, no. 4(32) <<https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznenny-mir-v-evropeyskoy-traditsii-opyt-retseptsii>> [Корай, Ев- гения. Самойлов, Александр. “Жизненный мир в европейской традиции: опыт рецепции.” *Ученые записки: электронный научный журнал Курско- го государственного университета* 2014, №4(32) <<https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznenny-mir-v-evropeyskoy-traditsii-opyt-retseptsii>>].
- Kuznetsov, Sergey (Sost.). *Bol’shoy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka.* 1-ye izd. Sankt-Peterburg: Norint, 1998 <<http://www.endic.ru/kuzhecov/Яроча-69803.html>> [Кузнецов, Сергей (Сост.). *Большой толковый словарь русского язы- ка.* 1-е изд. Санкт-Петербург: Норинт, 1998 <<http://www.endic.ru/kuzhecov/Яроча-69803.html>>].
- Lebina, Nataliya. *Entsiklopediya banal’nostey:Sovetskaya pousednevnost’: Kontu- ry, simvoly, znaki.* Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2006 [Лебина, Наталия. *Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, сим- волы, знаки.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006].
- Leleko, Vitaliy. *Prostranstvo pousednevnosti v yevropeyskoy kul’ture.* Sankt- Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterb. gos. univer-ta kul’tury i iskusstva, 2002 [Ле- леко, Виталий. *Пространство повседневности в европейской культуре.* Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. гос. универ-та культуры и иску- ства, 2002].
- Marinina, Aleksandra (Ed.). *Vyli 90-kh.* Т. 2: *Ерорха likhoy svyatosti.* Moskva: Eksmo, 2017 [Маринина, Александра (Авт.-сост.). *Были 90-х.* т. 2: *Эпоха ли- хой святости.* Москва: Эксмо, 2017].
- Pukshanskiy, Boris. *Obydennoye znaniye. Opyt filosofskogo osmysleniya.* Leningrad: Izd-vo Leningradskogo univer-ta, 1987 [Пукшанский, Борис. *Обы- денное знание. Опыт философского осмысления.* Ленинград: Изд-во Ле- нинградского универ-та, 1987].

Yefremova, Tat'yana. Sost. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy*. Moskva: Russkiy yazyk, 2000 <<https://www.efremova.info/word/epocha.html#.XR8iPVQzbc>> [Ефремова, Татьяна. Сост. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык, 2000 <<https://www.efremova.info/word/epocha.html#.XR8iPVQzbc>>].

Tatiana Kopac

PROJEKT *RZECZYWISTE HISTORIE LAT 90.*: „CZASÓW SIĘ NIE WYBIERA...”

Streszczenie

Autorka analizuje drugi tom projektu literackiego *Были 90-х* opublikowanego pod redakcją Aleksandry Marininy zatytułowany *Эпоха лихой святости*. Projekt zawiera wspomnienia ludzi, przeważnie niezwiązanych z pisarstwem, będących świadkami przemian w Rosji ostatniej dekady XX wieku. Autorka artykułu zwraca uwagę na symboliczne znaczenie tytułu tomu, w którym można dostrzec trzy pary opozycji semantycznych, jak również na stylistykę i elementy gatunkowe opowiadań. Cechy codzienności są przedstawione w trzech kontekstach: percepcji czasu, przestrzeni realnej i symbolicznej, *case studies*. Analiza tekstu odbywa się w ramach bloków tematycznych zatytułowanych następująco: chleb powszedni, totalny handel, duchowe poszukiwania, wiatr wolności (szczęśliwa dekada), zniknięcie kraju.

Tatiana Kopac

THE PROJECT

TRUE STORIES OF THE '90S: „YOUR EPOCH IS NOT FOR TRYING...”

Summary

The author considers the second volume titled *The epoch of dashing holiness* of the literary project *True stories of the '90s* edited by Aleksandra Marinina. The project contains memories of people who are mostly unrelated to writing and witnesses of changes in Russia in the last decade of the 20th century. The subject of the analysis is the everyday life of these people through the prism of their stories. Attention is drawn to the symbolic meaning of the title of the volume by distinguishing three pairs of semantic oppositions as well as stylistics and genre elements of stories. The features of everyday life are presented in three contexts: time perception, real and symbolic space, case studies. The analysis of the text is based on thematic blocks titled as: daily bread, total trade, spiritual search, the wind of freedom (happy decade), disappearance of the country.